

АЙДУКОВА ЛЮБА.

(Продуженіе.)

Ръчи ове айдука иѣху одъ срца и продру до срца Савкинога. Противословна чувствована таласаху се у пресима нѣнима. Налазаше се међу робствомъ и слободомъ. Нѣколико пута хѣлаше нѣшто одговорити, али нѣне цѣломудрене устне несмедоше одобравајућий одговоръ дати. Напоследакъ побѣди страхъ и повѣренѣ на Бога сваку бригу; она рече: „Марко, ты си ме одъ смрти и робства избавио, ты си самномъ на едноме чушу у мрачной ноћи одпловио, ты си Християнинъ, зашто бы се одъ тебе бояла? Поиѣху съ тобомъ!“

„Почитаема Господично!“ викне младићъ у изступленію; „небой се мене! я самъ честанъ айдукъ, ништа ти нећу на жао учинити, а мое ће те прси одъ сваке увреде бранити. Садъ ѣху се съ нашимъ домаѣиномъ договорити, како бы наиболъ ту стваръ започели.“

Стараць наложи нѣговому живостному пѣтомцу, да врата одъ себе причува; а самъ уклони нѣкій старый орманъ са свога мѣста, одгрне землю, и дигне еданъ доста великій четвороугольный камень. Почемъ и овай уклони, смотре Марко и Савка на велико нѣино удивленіе еданъ отворъ съ мраморнима степенима, кои су подъ землю водили.

„Сиѣи доле кѣри моя, рече старый, пружаюћу іой еданъ свѣтильникъ. „Небой се, овде пири свѣжъ воздухъ. Мы ћемо се скоро вратити. Остай съ Богомъ.“

Дѣвойка сиѣе съ повѣреніемъ у подземный ходникъ, но задрѣе, чувши гди тутнѣи камень,

кои е улазакъ затворао. При слабой свѣтлости примѣти, да су зидови и сводъ нѣнога прибѣжишта съ мермеромъ поставлѣни, кога е влага попрнила. У едноме углу лежаше лѣпо наређено оружѣ на слами. Савка употреби на полу око нѣ владаюћий миръ и обрати се съ топломъ молитвомъ къ бранительни слаби и немощны створеня.

После нѣколико дана спушташе сунце свое свѣтле и топле зраке на едну мрачну растовну шуму, кою ондашнѣ сувѣрїе обезсвѣенномъ называ, ербо е тамо едан-путъ нѣка дѣвойчица одъ руке свога саревнѣивога драгога погинула. Смѣлый Албанезъ дрѣхе при погледу ове шуме, и страши се одъ крваве сѣни дѣвойке, коя се често заблуђеныма путницама указуе. Ни едина стаза некривуда подъ овима густима растовима; нигди се неналази трагъ човеческій. Дубоко у тому мрачному предѣлу сакрила се два айдука. Млађий спаваше на земљи, покривенъ едномъ простомъ альиномъ.

„Устани, младый човече, устани,“ проговори му шалеѣи се другій, ослањаюћи се на свою дугу айдукку пушку. „Валянъ айдукъ нетреба да се дуго одмара. Доста си спавао. Видишь, већ се починѣ смрковати, а ноћу неможемо далъ путовати.“ Спаваюћий айдукъ дигне главу, коя бѣше еднымъ фесомъ покривена, исподъ кога изалазаше црна коса. Онъ погледи нѣжно свога друга, исправи се, бацн еданъ погледъ на свое оружїе и ясна румень обузме нѣгове образе.

„Стыдъ бѣше хвале вреданъ на дѣвойци, али садъ нема мѣста,“ рече старїи айдукъ. „Мужка альина небезчести поштену дѣвойку. Зашто си поруменила?“

„О водителю мой!“ — прихвати Савка рѣчь, „хоѣшь зарѣ да се као Французкиня владамъ, коя се неодѣва по правилу пристойности, него по досѣткама нѣны презрительны желя? Коя люде крозь покривало погледа и нѣнове погледе подноси, безъ да порумени.“

„Неговори ми више о тима язи ницима — Французима!“ повиче Марко; „нѣнове су нарави мени противне. Ал' и ваше у Янѣине нису много болѣ. Дѣвойка изъ Янѣине неможе да подноси погледъ страного човека, ербо е научала, да га крозь решетку ил' покривало гледи, па опетъ шта нетороче о людма съ лукавомъ дойкиньомъ, коя лицемѣрнима разговори-ма пританъ отровъ у нѣво срце улива. Бсу ли таке и Сульоткинѣ наше? Сульотска дѣвойка нерумени при погледу човеческомъ, напротивъ тога прави она себи дражестно одѣло, да тимъ неженѣне люде примами. Она прави фишке за свою браћу; пуни често кратку пушку и бори се за слободу поредъ своѣга отца; привезуе ране ратницима и спава на краю стрменитого брега. Вама варошкиняма све е то непостижимо, и поставля васъ у удивлѣнїе? Е, шта има болѣ у воздуху, кои е задаемъ сладострастны и крвожедны Турака окуженъ? Савко, знашь ли, какова е милина за свой родъ трпити, какова е сладость на врху отечествене планине умрети? Ох, я могу само за ню умрети!“ Тежкїй узди-сай изтисне изъ свои прсию. Айдукъ остави дѣвойку да свое чувство сакрїе и сѣдне у умѣреномъ удалѣнїю родъ нѣ. Наскоро примѣти онъ, да Савка сузе пролива, то га удиви.

„Шта ти е Савко? Бсамъ ли я у твоима прсима горка опоминяня побудїо, или самъ те увредїо?“

„Не, добрый Марко. Зато плачемъ, што твоя чувствованя разумемъ; я се нѣяма наслаждавамъ, но немамъ довольно снаге, да їймъ слѣдуемъ. Я невидимъ у теби већъ више простота айдука. — Опрости што те пређе разумѣла нисамъ! но презири ме зато — сажали ме! Кадъ планинскїй воздухъ одъ Сулѣ мое прси урѣщи, онда бешъ ме научити познавати. Марко, я заслужуемъ твою пакню и великодушїе. Ты се неѣнешъ покаяти; што си ме одъ смрти, робства, и срамногъ уживаня харема онога не-приятеля христанскога имена ослободїо.

Ступивши къ почиваюћему айдуку, погледи га са сузама жалости и обувати му обѣма рукама главу.

„Не презири ме, Марко!“ повиче она, уступаюћи натрагъ, „ты ме непознаешъ!“

Айдукъ играше разсѣяно своїомъ пушкомъ, као да Савку и непримѣчава

Но читатель радъ бы може бити знати, како су ти млади люди гостолубиву колибу старога Јована оставили? Каковый е бы онай подземный сводъ, у кому се дѣвойка сакрила, и шта се съ Јованомъ и нѣговымъ отреснымъ питомцемъ случило?

Подземный онай сводъ существуете, по мнѣнїю многа, їоште одъ првога столѣтїя нашего лѣточисленїя. Говори се, да су се у време гоненїя христанства правовѣрни тамо скупляли, да могу безъ опасности службу божию светковати. По свѣдожавству єднога ученога Француза єсть Катакомба, коя е четири стотине година пре Христа ископана; по мнѣнїю пакъ єднога Инглеза обичный е подрумъ, у кому е єданъ сластолубивый Римлянинъ своя вина чуввао. На свакиъ начинъ е старый овай Јованъ случайно тай подземный сводъ нашао, на кому е свою колибу начинїю. Савка проведе ту двадесетъ и четири сата. Друге ноћи донесе їой Јованъ єдну паликарску хальину, по савѣтовавши ю, да е ради веће безбѣдности у путованїю изъ Янѣине у Сулю навуче. Мѣсто мекога кажмирскога шала, кои тѣло богаты Гркиня заузима, єданъ простъ црвенъ поясъ обимаше лѣпостройно тѣло господичне изъ Янѣине. За поясомъ виѣаху се два дуга пиштоля, притисняваюћи немилосрдно лѣпа грчка нѣдра, са коима се ни єдна на свѣту сравнїти немогу. Дебелый фесъ заузимаше мѣсто дражестного турбана, а тврде єменлїе стискаваху малу ножицу. Савка изгледаше у томе одѣлу као каковый несравнѣно лѣпый Паликаръ, кои е нѣгда непроходиме провале одъ Сулѣ пролазио. Кадъ е она обузета до-сада непознатымъ чувствомъ отечестволюбїя главу своѣга дивлѣга водителя обухватила, могао е само Парисъ тако дражестанъ бити, и то у ономо магновенїю, кадъ е Венери златну ябуку распре пружїо. Марко е дошао у изступленїе. Напоследакъ устане и поѣе съ нѣомъ даль. Обозрительный Марко путоваше само ноћу са Савкомъ; даню сакрїваху се међу неприступнима стѣнама или у колиби каквота сиромаха земљодѣлца. Прва два дана нїе їймъ се ништа памети достойно случило. Но ову ноћъ клоне Савка подъ теретомъ умора. Марко е морао често стрепећу дѣвой-

чицу подь пазухъ узети. Мрачно ѣутанъ айдука узнемиряваше Епироткиню.

WWW.UNILIB.RS

Мѣсець изливаше увакоколо свою слабу свѣтлость. Плаво сребрнима звѣздама посуто небо пресѣщаше врхове камениты планина. Съ вѣштиномъ научнога брѣанина силазаше се Марко по стрменима. Ђдномъ рукомъ држеѣи се за оштро камевъ и за гранъ одъ чбунова, а другомъ притиснаваюѣи дркѣуѣи тереть на свое широке прси, иѣаше слободно; ни мати нѣ могла брижльивѣе свое чедо у наручїама носити. Често е опажала Савка по гдѣкои великїй камень, кои е едва съ планиномъ саставлѣнъ быо, претеѣи да се на нѣове главе сурва, често угрожаваше бездана пропасть, да ню и нѣнога водителя прогута. Савка хѣаше пронзаваюѣу вику одъ себе пустити, но гласъ іой се у прсиама угуши. Она тражаше начинъ, да свой страхъ сакрїе, како небы своего сапутника у-вредила.

После дугога напрезаниа стигну на едну трѣнѣмъ обрашѣну равнину. Брѣанинъ отвораше себи путь съ непрестанима ударцима ятагана. „Савко,“ рече напоследакъ, „ты ѣешъ видити мѣста, на коя іошть нѣе нечиста нога Турчина наступила;“ дигнувши снажноу рукомъ еданъ четвероуголянъ камень, исподъ кога се укаже таванъ узанъ отворъ едне пеѣине. Ухвативши е Марко за руку осѣти, да дрѣе.

„Што ти е?“

„Ништа — мени е — ладно.“

„Причекай мало,“ рече онъ са побуѣенѣмъ равнодушїемъ, „садъ ѣешъ се угрїати.“

Они улазаху дублѣ у пеѣину. Отворъ, крозь кои су ушли, учини се као еднѣ далеко удалѣна плаветна точка. Савка се обзираше често за нѣомъ као за свое судбе звѣдомъ, одъ кое е нѣна безбѣдность а и самъ животъ зависїо. Но правацъ ходяника промѣни се. Звѣзда изчезне, а съ нѣомъ и надежда Савкина. Садъ се наѣе у власти непобѣдима айдука. Све, што се у граду о айдуцима, о нѣовой суровости, раздраженїу и харанїу приповѣда, све се то на едан-путь представи уму нѣному. Хѣаше изъ очаянїя плакати.

Постояннїй коракъ брѣанина у овой мрачности показиваше, да му е ово мѣсто добро познато. Стане и почне своимъ пиштолѣмъ ватру кресати; искре прскаху на све стране као

киша, исчезаваюѣи у тами. Съ великимъ нестрпѣнїемъ очекиваше она край овога позорїа. Но гле, смоломъ напоена трсѣа у руци айдука запали се, и слабїй плаветнїй пламень постане ясна свѣтлость. Епироткиня наѣе се подъ еднѣмъ великимъ природнѣмъ сводомъ, Айдукъ ю поведе къ нѣкїма малыма вратма, коя безъ свакога усиляваня отвори. Колико е было удивлѣнїе Савкино, кадъ се предъ нѣнїма очима соба са златоокованѣмъ оружїемъ и скупощѣнѣмъ посуѣемъ укаже, а гвоздени сандуци лежаху ово овде, ово онде. Удивлѣна Савка сматраше ова блага, немогавши себи изяснити, чїе е и зашто на такомъ мѣсту нагомилано лежи. —

(Продуженїе слѣдуе.)

ИЗЪ СИ-ЄВА ВѢЧИТОГА ЖИДА.

(Продуженїе.)

Господична Кардовилъ одъ имуѣне и благородне породице о своїой глави, штоно веле, живеѣа Паризкиня, была е свѣма дражестима тѣла и редкимъ даромъ ума украшена роѣана едне старе душе, назване подпоромъ езуитскомъ. Нѣна е несреѣна ктела, да ню учини предметомъ мрзости и каменомъ претиканїа ове богомрзке чете, коя настояваше прилѣжно, да е коимъ годъ начиномъ наслѣдїа Ренепонтскогъ, на кое е право имала, лиши, было то живота преидкомъ ил' убиствомъ нравствене нѣне важности. Ню страю у лудохранилиште. Кадъ е Роденъ довео градоначалника, да извиди, изъ каквы е побуѣена езуитскїй лѣкаръ ню затворио, оваї е наводїо, да е она знае лудости, премда недозрѣле, тѣмъ показывала, што е о некомъ индїскомъ князу бунцала, што е презрѣла честолюбїе и безъ сваке надзирательице рѣшила се добродѣтельно и цѣломудрено у средъ разврате живити. Кадъ е Роденъ стваръ парничну, касателно наслѣдїа на се узео, све е противнѣмъ одъ Егринїа предузетѣмъ правцемъ дѣлао и у слѣдству тога ову жертву за кратко среѣи любавной повратїо. Цалма, индїскїй князь, по женской страни родъ лене страдателнице, приспе у Паризъ, залюби се смртно у ню, образацъ европейске красоте, коя му любавъ любави поврати. Данъ, кадъ да се вѣчанъ у потаї изврши, приближаваше се и веѣъ подпали Родену ревность на скоро извршенъ паклены умшляя. Цалма изъ любовоморства, езуитскомъ

згодомъ причинногъ, убіе єдну дѣвойку, за воює в мыслію, да в любезна Кардовиль, похити у нѣну собу, онде да се полакотруюћима каплицами умори. Кровать брачный дивно намештенъ приуготовлѣнъ бѣше одъ невесте, незнаюће шта се сбыва, у нѣга се извали Индіянацъ, испіе половину у стакленцу находѣше се отровне воде и пре издисаня уочи као появилъ неко младу свою. На кратко обавесте се обое, каквымъ свирѣпымъ начинаемъ валя іймъ се разстати съ овогъ света, на скоро заборава увреде нанешене, умиру у тихой несвести, оживляваю у загрляю и саєдинѣне нѣюве и сродне душе уздижу се побѣдително къ небу, кое іймъ райска врата шири. —

(Конацъ слѣдує.)

СЛАВЯНСКЕ ВѢСТИ.

Любословіє или повсемѣсячно Списаніє. Смирна. Въ Печатарница А. Даліанова. 1846. Томъ 2. Мартъ 1846. Число 15. — На 4-твни, 8 лист.

Ово є онай бугарскій часопись, о комъ смо читатель не давно извѣстили, да одъ лане у Смирни излази. Колико смо изъ срца желили, да се и браћа наша Бугари пробуде и почну приближавати се свѣту изображеному, толико сада већма видимо задовољну желю нашу овымъ неоцѣнѣнымъ повременымъ списаніємъ. Но руку на срце метнувши, искрено изповѣдати морамо, да се Бугари живо съ нама надмећу, и насъ престићи у књижевној дѣлательности грозе, оня, кои су истомъ сада устали на посао, и кои никаква, тако рећи, къ тому средства немаю, до само єдине добре волѣ, насъ, кои већ одъ пола столѣтїя радимо и кои сва средства на руци имамо, али само добре волѣ не! Видили смо пређе, како свака новоизлазећа бугарска књига хиляде купаца брзи, а бѣднїй сръбскїй списатель неможе ни толико књига разпродати, да намири трошакъ печати. Разсмотримо сада богато садржаніє овога првога бугарскога часописа, ца ћемо видити, да нашъ ни єданъ, ако се и немогу Бугари похвалити са толикима ученима людма, колико ій мы имамо, нїє у станю съ нїме у реальности и народному правцу мѣрити се. Ево предмета, кое ова свезка предреченога часописа доноси: *Совѣтованіє за младъ тѣрговецъ. — Польза за учениє. — Обозрѣніє. — Свѣтаго Григорїа Размыш-*

*ленїя за Себеси. — Суета Земна. — Вѣда отъ Богатство. — Бывайте же творцы слова. — Индіиски Разули. — Мялоумїя нѣкоихъ великихъ мужей. — Ахиль. — Послѣднов Дѣліє в. Константина. — Перворемелный животъ в. Константина. — Кесарево побужденіє за учениє. — Богато художество. — Совѣти. — Управительни заповѣди. — Славенска древность. — Злодѣино Коварство. — Басня. — Маша. — Благопроизволеніє Султанско. — Ученическо соразмѣреніє. — Прелѣчаніє вѣстїю. — Какова обилность садржанїя, какова реалность и общеполезность у нїма! Овде є ямачно медь съ воскомъ смѣшанъ, и читатель у сладости находи полезность. — Кое насъ понайвише спольно велелѣпіє влада, и мы куле дижемо, али іймъ іюште темеля неположисмо. Не тако учени Срби! не тако драги родолюбви! Починамо већ єдан-путь реално и свойски за народъ дѣлати, даймо му таковы наука, кое ће га на большїй путь живота привести, кое ће му домовно и грађанско станѣ подићи; неоставляймо єдинога човека, да повремене листове пише, зашто єданъ человекъ, ако ће ма како ученъ и изображенъ быти, нїє у станю све струке народнога изображенїя обдѣлавати и свима потребамъ народнымъ одговорити! А ты читаюћа родолюбива публико сръбска, небуди ладна спроћу трудова учены людїй, пусти драговольно, да ти на простодушно срце твоє пада благотворна роса изображены умова, коя ће благородно сѣме доброга и краснога, кое ти у нѣму почива, наквасити, те ће оно, на твою, твоє браће и отечества срећу и благо, цвѣтомъ процвѣтати и благимъ плодомъ уродити. *Vivos voco! Mortuos plango! Fulgura frango!* —*

— 0 —

НОВА КНЬИГА.

О Књижевној Узаймности између различни племена и нарѣчїя Славянскога народа одъ Іована Коллара. Превео съ немачкогъ Дилмгріє Теодоровиць. У Београду, печатано у Кнѣж. Серб. Книгопечатни. — На 8-ку, 128.

Свакому Србину, кои жели (а то треба свакої) познати свое славянство, топло препоручемо ову, сада башъ изищавшу књигу, изъ кое ће видити, да Срби са Славянима єдно велико народно племе сачиняваю, и шта Србину као Славянину дѣлати треба. Ова є књига позната већ своему ученому свѣту, и прїятельи Славяна примли су в съ вѣнѣнїемъ одушевлѣнїемъ и на све стране разували, тако да се сада ни за кое новце неможе нигди добыти нѣмачкїй оригинал. Зато и Г. Теодоровику имаю захвалити, што в ту переважну књигу превео, и тако не само Србима, кои нѣмачки незнаю, прилву дао упознати се са тежнѣомъ тако разглашене славянске узаймности, кое в кое нѣи до-сада іюште врло мало участїя нашла, него и свима ученима нашимъ помогао до књиге доѣти; толико смо му и дужни при достижению те дѣла на руци быти, и ово се єдинственно у тому состои, да свакої између насъ ту књигу купи, воє цѣна одъ 50. кр. ср. ямачно нїє прекозмѣрна.

Учредникъ Милошъ Поповиць.

Издано и печатано у Правителственој Книгопечатни у Београду.